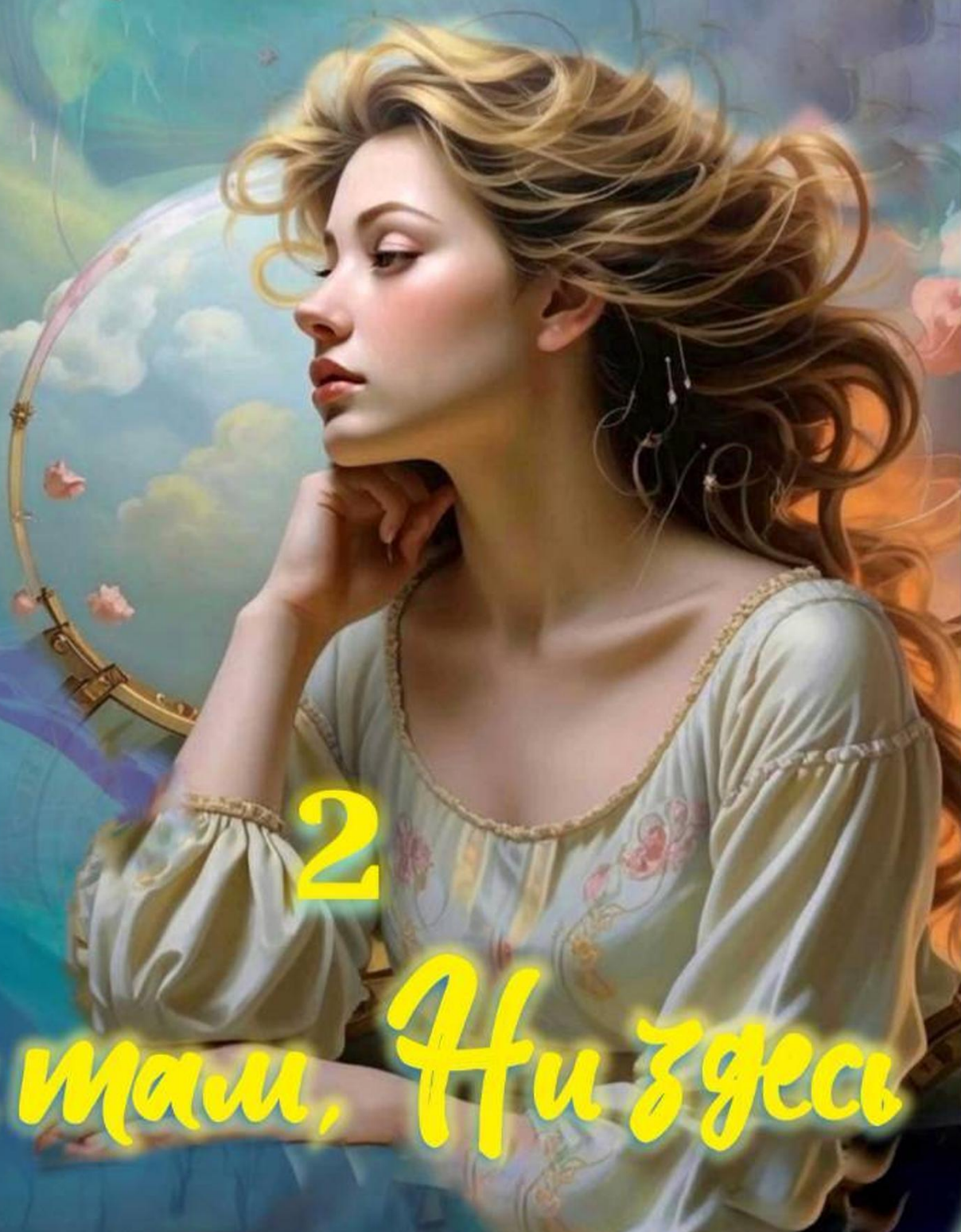

Иффри 2

Ника Лайя

2

Ну там, Ну здесь

Иффри

Ника Гайя

**Иффри 2. Книга 2.
Ни там. Ни здесь**

«Автор»

2026

Гайя Н.

Иффри 2. Книга 2. Ни там. Ни здесь / Н. Гайя — «Автор»,
2026 — (Иффри)

Вот так живёшь, крутишься. Рутинка, в общем. Кушать-то хочется. А ещё важнее — вовремя накормить своих детей. И не только накормить! Потому и делаешь то, что надо. А чего тебе по-настоящему хочется в этой жизни — на потом. Не до того сейчас. И вдруг — Бамц! — и всё. Тебя уже нет. Или есть? Кто ты теперь — ещё человек или уже дух? И что это за дорога такая, вымощенная облаками и небом? И ошибается ли Мироздание? Пусть вы вместе со своими спутниками уже не живёте... Но — живёте! Парадокс? Наверное. Ведь вы мыслите, всё чувствуете, спорите и смеётесь — ну точь-в-точь как раньше. А жизнь-то, она невероятно интересная штука. Даже там, по ту сторону. И пока Боги решают, что с вами, косяками Мироздания — делать, наслаждайтесь. Время — бесценный дар. Может, ещё и Богов посмешите. И — изумите! Вот и пустили нас, духов, в призраке разбитой вдрызг маршрутки бродяжить по подпространственной синей нитке. Но главное — будь человеком! При любых раскладах. И знай, всегда знай — добро рождает добро.

© Гайя Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ника Гайя

Иффри 2. Книга 2. Ни там. Ни здесь

Глава 1

«Сударыня судьба — дама с причудами. Махнёт рукавом — и ты уже не на земле, а где-то в облаках. Буквально.» — Из насмешек неизбежности

— Устойчивая губная помада, лаки, пудры, тени, карандашики! — предлагала я продавцам маленького магазинчика. Так я зарабатывала. Продавала продавцам. И вполне успешно. Как художник, умела выбрать на оптовой базе именно то, что нравилось барышням — и юным, и постарше. Полгорода у меня закупалось. Ну, почти. Вообще-то, эта работа мне не нравилась. От слова — совсем. Но детей кормить надо, никуда не денешься. Так что — крутилась. А мечты... то, что по душе, — они жили во снах, и, аккуратно раскладываясь по полочкам в глубине сознания, ждали своего часа. Ибо для раскрутки таких сценариев жизни нужно время, которого у меня не было. Вообще... Ведь кушать хотелось прямо сейчас.

— Устойчивая помада... Заходи, заходи, мы ждём тебя! — по-свойски махнула рукой молоденькая продавщица. — Только что зарплату выдали! Я нырнула в магазин. И мы с мадами зажгли по полной: заказы, что приберегла для них, разлетелись мигом. А потом они и ещё понабрали. Всего-всего...

Вышла я оттуда часа через два, если не больше, с почти опустевшей сумкой.

— Ну всё, домой! — счастливо улыбаясь, потопала к остановке, — план перевыполнен. Ура! Завтра устроим выходной с девчонками. Настоящий!

И тут подъехала моя маршрутка. Почему-то абсолютно пустая. И это вечером, в часы пик! Я ещё раз глянула на номер: моя, 69-я, ну точно моя!

«Повезло», — подумала, влезая за чуть полноватым краснощёким дядькой.

За мной заскочил долговязый такой парнишка, похожий на студента.

Двери захлопнулись.

— Как в мышеловке, — мелькнуло где-то на периферии подсознания.

И мы — покатили...

Ехать было далеко и, как часто бывало, я прислонилась к окошку и закрыла глаза. Тянуло в сон. Слишком почему-то тянуло, да просто — невыносимо! Прямо глаза слипались сами собой. И я уплыла... Чуйка ещё ни разу не подводила меня — просыпалась я обычно перед своей остановкой. Вот и сейчас проснулась, с трудом разлепив веки. Но... О, божечки — что это? За окном — вместо знакомых улочек и домов — облака! И эти облака неторопливо проплывали мимо... Вверху и внизу. И сбоку! Как так?! Что за... — пробормотала я, косясь на соседей. Студент сопел, щекой прижавшись к стеклу. Дядька похрапывал.

Снова посмотрела в окно. Облака! Пушистые, белые, а между ними — синее-синее, бездонное, как космос, небо! Глянула в окно напротив — тоже облака! Ну ёлки! Взгляд метнулся к водительскому месту — отделённому прозрачным пластиком с весёлыми голубыми занавесками. Задёрнутыми. Не видно, что там... Я встала и, покачиваясь от движений маршрутки, добралась до кабинки. Но за перегородкой — ни души! Водительское сиденье абсолютно пустое...

«А был ли мальчик... ой, ёлки! Водитель, то есть, когда я садилась?» — мелькнула шальная мысль. Я ведь даже и не смотрела в ту сторону, радуясь свободному месту у окошка. Ещё раз глянула за окно. Нет, не мерещится, мы едем — по облакам!

— Подъём! — рявкнула раненой лосихой.

Но все спали. И, кажется, даже не дышали. И не храпели уже...

Я принялась будить студента, потом мужчину. Но они не просыпались! Потрогала их лица, руки — тёплые. Достала из сумки зеркальце, поднесла к носу одного, потом другого. Зеркало слегка запотело.

— Ура, живые! — выдохнула я.

Чуть помедлив, перелезла через перегородку, плюхнувшись на водительское сиденье. Руль — ни туда, ни сюда. Зафиксирован, что ли?! На панели — мигают и сияют разноцветные кнопочки. Жму наугад на них.

Сначала вразнобой, потом по порядку.

Оранжевая — ничего.

Голубая — без изменений.

Красная — тоже ноль.

Синяя — такая же синяя, как это небо за окном.

— Бац! — Маршрутку резко дёрнуло, тряхнуло, и она, заскрежетав, остановилась.

— Так, стоим. Но где стоим? На небе?!

И не хуже ли я сделала, нажимая эти кнопки? — Шмыгнула носом раз, другой — и заплакала, горестно завывала навзрыд. Дома дети, а я здесь, неизвестно где, занимаюсь бог знает чем.

Невольно стала вспоминать, что там, дома, в холодильнике есть. Вчера его наполнила — еды хватит на первое время, если что. Каша, котлетки, борщ. Яночка, старшенькая, умеет готовить. Да и Алиса тоже.

— Ладно, — немного успокоившись, подумала я, — надо всё же открыть двери. И разбудить мужчин наконец!

Мужчины не поддавались — спали, будто трупик. Снова проверила зеркальцем — дышат.

— Ну, хотя бы живые, и то спасибо, — мелькнула мысль.

Вернулась на водительское сиденье, внимательно осмотрела панель. Вот стрелочки — вправо, влево. Вправо — ничего. Влево — дверь мягко щёлкнула. И — открылась! Ох ты ж!

Глянула вниз, под ноги. Синий пластиковый тазик и в нём — синее ведёрко. А в бардачке — настоящие сокровища: тряпки, молоток, топорик, одежда какая-то. О, туалетная бумага! Ну, хотя бы так. Аптечка ещё — хорошо.

Вода! Три баллона по пять литров и семь полторашек. Ого! И свёрток — большой, в бумаге и целлофане. Разворачиваю:

бутерброды с колбасой, сыром, зеленью. Свежие, вроде. И несколько яблок.

— Живём пока, — буркаю я. — Сразу от голоду не окочуемся...

Завернула ведёрко в куртку и поставила у двери, чтобы не захлопнулось невзначай.

И, придерживая замирающую от страха душу, шагнула к двери, в неизвестность...

— Избушка, избушка... то есть маршрутка... встань ко мне передом, к облакам задом, — бормочу, как заклинание, почти сказочные слова. И осторожно, филейной частью к небу, выползаю из маршрутки. Нога ступает на что-то твёрдое. Ставлю вторую. Разгибаюсь.

Поворачиваюсь.

Стою на широкой дороге из белых облаков с синими вкраплениями.

Они не плывут, как другие, а застыли, уходя вдаль узкой лентой. Красиво-то как, до умопомрачения! — облачно-синяя дорога в синем облачном небе... Угу! Вдыхаю всей грудью... ахх! Как дышится легко. Воздух... словно после грозы, когда только вышло солнышко. Только вот... солнышка-то и нетути... А тишина! Такая, что уши закладывает. Ни птичьих голосов, ни шороха... Ничего.

Обхожу маршрутку, притопывая. Даже нагло подпрыгиваю. Ничего не прогибается вроде. Наклоняюсь, провожу ладонью по дороге — гладкая, как линолеум. Ложусь на живот и по

пластунски подползаю к краю, пытаюсь потрогать небо. Рука проваливается в пустоту. В ужасе отползаю назад. Пропасть необъятная! Страшно-то как!

Снова ложусь и осторожно заглядываю вниз. И там облака! Везде. Трогаю дорогу снизу, просунув руку под край. Гладко, как и сверху. А толщина — с мой мизинец! Вот бездна! Мимо проплывает облачко, похожее на нашу дорогу. Маленькое, с синевой. Не удерживаюсь — трогаю и его. Рука вмиг скрывается внутри! С криком выдёргиваю конечность. На пальцах сверкают молнии — крохотные, оранжево-жёлтые. Не больно, и то спасибо. Дую на руку, чтобы сдуть их, но они не сдуваются... Тогда трогаю ту, что искрит на указательном пальце. Горячо, но не обжигает.

И вдруг молнии впитываются в мою руку, а по телу разливается жар. Вытираю пот со лба, бессильно оседая на дорогу, привалившись к колесу маршрутки. И засыпаю.

Сколько спала — не знаю, но проснулась с улыбкой, будто после очень счастливого сна. Вздрагиваю. Я всё там же, на дороге! Ёлки! — А маршрутка — вот она, рядом... Ужас пронизывает до мозга костей — Ай-яй, двери! Последняя ниточка моя... Но дверь открыта. Фух! Заглядываю внутрь. Мужчины спят. А я зверски хочу... нет, не есть — жрать! И пить. Лезу обратно, убираю ведёрко-затор и закрываю двери, нажав правую стрелку на панели.

Снова пытаюсь разбудить моих мужичков. Бесполезно. И удивляюсь своим мыслям: «Моих?» Улыбка робко расцветает на губах.

— Моих, значит...

Лезу на водительскую сидуху и опять внимательно всё осматриваю. Вот это что? Пластиковые палочки с рычажком. Нажимаю. Ого, столик! Удобный такой. А под ним — три чашки, три кружки, тарелки, ложки, вилки. Почти всё по три. Я и два мужика — трое всего! Ха ещё раз! Для нас что ли приготовлено?

— Но где же ты, — вздыхаю, — водила наш? И даже кружки захудалой нету для тебя...

Пью, ем, кумекая, что делать дальше. Вкуснотища, всё свежее. А вода какая вкусная! Никогда такой не пробовала... И вдруг вспоминаю: телефон!

Чуть не падая, бегу к сумке. Вот он, мой телефончик! Зарядки — кот наплакал. Беру его правой рукой — и зарядка скачет до 100%!

Телефон нагревается.

— Ай, горячий! Взорвётся сейчас! — Бросаю его на сиденье. И вспоминаю молнии. Правая рука. Ведь правой за облако-то хваталась. Я что теперь — зарядное устройство? Хихикаю сквозь слёзы. Трогаю телефон — остыл немного. Беру его левой рукой — нормально. Тыкаю в кнопки правым пальцем, тем самым, что был с молниями. Ничего, циферки набирает. Значит, правая рука — для зарядки и в кнопки тыкать.

Набираю номер. Гудки — идут! Ух ты!

— Алиса, Аля!

— Мама, мамочка, ты где? — чуть не плачет младшая. — Мы ждём, ждём, а тебя нет. Ночь давно!

Трубку перехватывает Яночка.

— Яна, слушай внимательно, — говорю я.

Рассказываю, где лежит заначка, как снять деньги с карты, если закончатся. Благодарю всех ангелов и богов, что забыла карту дома.

Объясняю, что попала неизвестно куда, не знаю, когда вернусь, и что Яна теперь за главную.

— Экономьте, не шикуйте! Не знаю, смогу ли позвонить ещё. Но вернусь, как только сумею! Люблю вас, мои маленькие, волшебные принцессы! — Слёзы катятся, заползают под кофточку, и чувствую, как горло сдавливает от тихих всхлипов в трубке.

— Дай Алису!

— Мама, мы на громкой связи, — отвечает Яна, и голос у неё такой взрослый, что сердце разрывается.

— Умнички, Солнышки мои! Если меня долго не будет, звоните тёте Марине.

— Да, мама, — говорит Яна. И связь обрывается...

Но на душе легче. Мариша, подруга, не бросит девочек моих. Беру кружку, чистую тряпку, бутылку с водой и решительно иду в салон, чтобы разбудить наконец попутчиков.

И вот мы втроём сидим в салоне маршрутки. Среди сидений тоже нашёлся раскладной столик. Поставили его и ужинаем, беседуя. Разбудить ребят было делом нелёгким. Ничего не помогало, пока я не влила каждому в рот по глотку воды.

— Ой, — закашлялся дядька, отплеиваясь, — где я?

— Чёрт? — давясь водой, воскликнул студент. — Что за хрень!

— Главное, проснулись, — грустно ответила я обоим. Рассказала всё как есть: про пропавшего водителя, дорогу из облаков, еду, синюю кнопку, что остановила маршрутку, стрелки, открывающие двери, моих детей, оставшихся дома, облачко с молниями и руку-зарядку. Ничего не утаила.

Попутчики то и дело открывали и закрывали рты. А потом их обуяла жажда деятельности. Проверили руль, кнопки (кроме синей — я отговорила трогать её, а то вдруг снова рванём неизвестно куда).

Пооткрывали двери, вышли на дорогу, побегали вокруг маршрутки.

Но быстро вернулись, бледные, с вытаращенными глазами.

И вот сидим, лопаем бутерброды, думаем, что дальше делать. Кстати, еда, которую я почти съела, не закончилась! Пакет снова был полным. Правда, колбаса другая, а сыр — без дырочек. Но мы приняли это волшебство как должное.

«Будто голуби на площади — клюём всё, что дают», — мелькнула мысль.

Александр, или Алекс, как он назвался, тот самый мужичок толстенький, — полез на водительское сиденье и стал изучать панель, но ничего нового не нашёл.

И тогда мы решили поспать. Во-первых, устали, особенно морально. Во-вторых, в часах на телефонах — глубокая ночь, хотя за окнами и светло...

Глава 2

«Иногда самые замечательные попутчики встречаются на самых жутких дорогах.» — Из временных легенд

Ай, куда же мы попали, хоть рыдай,
Облака клубятся в синем небе,
Что на голову нашу за беда
Вдруг свалилась, словно сказка, небыль.

Утро. Сползаю с мягкого сиденья, на котором крутилась всю ночь, и тоскливо пялюсь на облака за окном. Не сон. Не сон! Проснулись и ребята, ошарашенно таращась друг на друга с видом потеряшек.

— Нет, не сон, — охает Серёжа, или Серж, как он вчера представился. Он и вправду студент, учится на компьютерщика. Ему бы сейчас на лекции про коды, чипы... что там ещё...

Саша, которого мы сразу окрестили Алексом, угрюмо сопит. Его ждёт работа, сотрудники, горящие дедлайны. Он — начальник отдела. Одолжил вчера другу на вечер свою машину, потому и попёрся домой на маршрутке. Ирония судьбы?

Только я одна — вольная птаха. Сама себе хозяйка. Ну, не совсем вольная, конечно... Но вчера в голову закралась шальная мыслишка: устроить себе и девчонкам выходной после удачных распродаж. Вот и устроила — на небесах! Вернее, кто-то за меня устроил. Или всё же это шутка такая? Угу... ржу ни магу...

Горестно вздыхаю. Как там девочки мои? Сегодня воскресенье, в школу не надо, может, в парк или в киношку сходили бы... А теперь я здесь, а они там.

Встаю. Бутыл, из которой мы вчера пили и в которой вода на донышке плескалась, снова полная до краёв. Ах, да мы вроде уже привыкаем к этим чудесам.

Открываю дверь, выхожу из машины и умываюсь, уже не экономя воду (раз уж она волшебная). Потом захожу за машину, сжимая в руке найденный веничек. А что делать, естественное никто не отменял...

Лезу обратно в салон. Попутчики сидят молча — хмурые, злые. Ага! Прямо тучи грозовые.

— Ребята, — говорю я, — мы попали... сами не знаем куда. Ха! Да в самом деле — попали! Нет, влипли! Но никто из нас не виноват же, ну кроме мадам Судьбы, может. Так что давайте не будем злиться, или ещё что. Просто подумать надо, что дальше-то делать. Иначе так и с ума съехать можно. А давайте представим, что мы — герои крутого блокбастера.

— Круче некуда! — хмыкает Алекс.

— Или что нам всё это снится, и надо просто проснуться, — поддерживает меня Серж.

— В самую точку! — пытаюсь воспрянуть духом я. Кстати, бутылка с водой опять полная. Заоблачный сервис, однако... — Та-ак, — лезу в бардачок и вытаскиваю пухлый пакет с бутербродами. — Круто! Живём, ребята, пока живём...

Серж и Саша всстрахиваются, как собаки после дождя, берут по бутылке и вылезают на дорогу. Протягиваю веничек — они кивают, ухмыляясь.

— Доброе утро! — бормочет Серж, забирая веник.

— Доброе, ну такое доброе, — бурчит Алекс.

После скромного завтрака мы снова, уже дотошнее, исследовали кабину. Кнопки: оранжевая, голубая, красная... И наша, родная — синяя. Стрелки — управление дверями.

— Километраж, бензин, скорость — ничего нет, — резюмирует Саша, постукивая по панели. — Что за тачка такая?

— Ну что, Серж, — по-свойски предлагает он, — пойдём-ка осмотрим внешние данные нашей «ласточки». Мотор, колёса, может, ещё чего. Они выходят, я — за ними, но на всякий случай подкладываю на нижнюю ступеньку под дверь затор. Ребята одобрительно хмыкают. Хором.

Однако мотора мы не нашли. Вообще ничего похожего на двигатель. Машина была словно вылеплена из цельного куска, как дорогая игрушечная модель. Только большая. Которая едет сама по себе, без всяких там мелочей, вроде бензинов и масел. Только колёса и выглядели настоящими, с протекторами.

И мы задумчиво побрели обратно. Расселись по своим местам.

И я, в который раз, попыталась дозвониться до детей. Или до Маришки хотя бы, моей подруги. Но в телефоне — полная тишина. Даже гудков нет...

— Спасибо, хотя бы один раз мне позволено было поговорить с дочками, — подумала я. И бессильно заплакала.

— Ну-ну, — приобнял меня Серж.

— Ты же у нас стойкая леди, — соскочил со своего места и Алекс, неловко похлопывая по плечу.

И я улыбнулась им сквозь слёзы.

— Мы тоже пытались звонить, — вздыхает Серж. — Полный штиль.

— Может, нажмём на синюю кнопку и покатым туда, куда нас и везли? — несмело предлагаю я.

И тут мои глаза скользят вверх. А это что?! Под тканью, сливающейся с панелью, что-то топорщится. Стягиваем — телевизор! Маленький, сантиметров двадцать на двадцать, но настоящий, с экраном.

— Ай, — радуюсь я, — телевизор!

Серёжа деловито осматривает, ощупывает его. И включает! Но и тут разочарование — по экрану лишь рябь, режущая глаза.

— Но ведь работает, — не сдаюсь я. — Может, кто потом свяжется с нами? Для чего-нибудь мы ведь нужны кому-то...

Серж ещё щёлкает кнопками и вырубает его. До более счастливых времён?

Так пробежал день, потом второй. На третий, после завтрака, мы всё же нажали на синюю кнопку. Вернее, Саша нажал.

Он, как опытный водила, сразу же взял управление на себя. А мы с Серёжей и не против. И хотя руль не поворачивался, Александр настойчиво держал его, цепко вглядываясь вдаль. Машина мягко тронулась и поехала, набирая и набирая скорость. Ехали долго, часа три. Но вот впереди показалось разветвление дорог. Влево уходила ещё одна — более узкая, и нежно-янтарная. Из густых оранжевых облаков! Саша нажал кнопку — машина заскрежетала и послушно замерла. Прямо на распустье.

— Если свернём, — сказал Алекс мрачно, — обратно уже не повернуть. Нет в машине таких инструментов, чтобы можно было развернуться.

— Если сможем свернуть, — хмыкнул Серж.

Мы вышли, не забыв приспособить затор под дверь. И пошагали на прогулку по янтарной дороге. Но чем дальше шли, тем становилось теплее и теплее. Небо стало совсем медным, как на закате, а по нему плыли тяжёлые, пылающие облака.

— Как красиво! — восхитилась я, вытирая пот с лица.

И мы повернули обратно. Не сговариваясь, почти бегом, подгоняемые вдруг возникшим ниоткуда ужасом. Друг за другом влетели в машину, по пути избавляя дверь от затора. Со стороны оранжевой дороги раздался гром, а на самом пути показались почти невидимые огненные тени. Они быстро приближались к нам, протягивая туманные, тягучие руки.

Нет, когти!

Саша лихорадочно закрыл двери, потом нажал на синюю кнопку, и мы тронулись. Сначала нехотя, а потом быстрее и быстрее. А позади, в заднем окне, тянулись к машине тени, становясь всё прозрачнее и прозрачнее.

— Фуух... — выдохнул Серж.

— Страшно-то как! — пискнула я.

А Алекс сидел за рулём, мрачный и сосредоточенный.

Так мы и ехали, уже третий день, неизвестно куда. На ночь останавливались, а утром, после завтрака, Саша садился за руль, пусть и неработающий, и включал синюю кнопку. Телевизор проверяли регулярно — одна рябь.

— Должны быть ещё красная и голубая дороги, — как-то изрёк Серж с видом великого стратега. — Судя по кнопкам на панели.

— Главное, чтобы не такие страшные, как та, янтарная, — согласилась я.

И тут вдали показалась дорога. Голубоватая такая, еле видимая, и снова с левой стороны. Машина остановилась. И мы, как по накатанной реальности, пешком отправились на разведку. Затор внизу открытой двери — и вот, шагаем по узкой, ещё уже, чем оранжевая, дороге.

— Словно ледяная, — констатирую я факт.

— Здесь и машина еле влезет, — бурчит Саша.

Меня передёрнуло: мы вместе с маршруткой срываемся с ледяной дороги и летим в бездну, словно с горки.

— Бррр, — догоняет мои мысли Серж.

Становится совсем холодно. И вдруг замечаю котёнка. Скорее подростка...

Ярко-синего котёнка, что бессильно, словно сломанная игрушка, валяется на дороге. Бросаюсь к нему, бережно поднимая. — Ай, он же пораненный! — вскрикиваю я. И на голубую дорогу капает красная кровь.

— Вы идите, а я вернусь, мне надо посмотреть, что с котёнком. Там у нас и аптечка вроде была.

И я бегу обратно. Рана. Длинная, от шеи к плечу. Ай, кровь как бежит!

Вытаскиваю аптечку.

— Перекись, йод, бинты. Пенициллин! Ура! И ещё много чего. Хорошая аптечка. Обработываю и перевязываю рану, вкалываю пенициллин. Вливаю в необычный такой нежно-голубой ротик, разбавляя водой, слабое снотворное. И котёнок засыпает. Когда-то я работала помощником ветеринара — и вот, пригодилось...

Через некоторое время возвращаются мои друзья. Да, уже друзья, чего уж тут.

— Там холодища такая! — говорит Серж, потирая руки. — Не стоит туда сворачивать, даже если бы и смогли.

— Да и страшно, слишком дорога узкая, — добавляет Алекс.

Рассказываю про аптечку и про моё лечение котёнка.

— Ну вот, нас прибывает, — хохочет Серж. Ещё один пассажир появился.

— Уж лучше синий кот, чем оранжевые тени, — подмигивает Саша.

И мы трогаемся дальше, а я снова и снова задаю себе вопросы, на которые нет ответов:

— Куда? Зачем? Почему? Для чего?

Но теперь у нас на коленях спит синее чудо, тёплое и живое, и на душе чуточку теплее. И кажется, что мы всё-таки здесь — не просто так.

Глава 3

«Осторожнее с десертами: они могут оказаться розовыми, воздушными и... смертельно сладкими.» — Из распутья небес

Мы жили, жили, не тужили,
Играя каждый жизнь свою,
Но высшие, внезапно, силы,
Задали нам другой аллюр.

Котик, а это оказался именно кот, поправлялся не по дням, а по минутам. Когда он впервые распахнул свои синие глазищи, рана уже почти затянулась. Но я сняла повязку и на всякий случай еще обработала рану.

Голубое, вернее, совершенно синее создание, с синей шерсткой и синей же кожей, раз и навсегда вошло светлым солнышком в измученные души. Кот оказался ласковым, веселым и на удивление тихим.

— Ну вылитый Пьер в синей манишке, — хохотнул Серж, и сиё намертво приклеилось к нему.

Так котик и получил своё имя.

Пьер тихо, коротко мякал, забираясь на колени ко всем нам по очереди, умилая и согревая, кажется, даже дальние отголоски наших растерянных, заблудших душ. И жить стало веселее, как-то спокойнее, что ли. Вроде появилась надежда, что всё будет хорошо, что мы вернёмся — каждый к себе домой, в свои жизни.

И тут вдали, на этот раз справа, замаячило что-то нежно-красное или, скорее, малиновое. И какое-то воздушное, сладкое даже на первый взгляд. Мы сгрудились на бардачке, рядом с Сашей.

— Красная дорога! — воскликнул Серж. — Последняя, если судить по кнопкам.

— Не дорога, а взбитые сливки с малиной — облизнувшись, хмыкнула я.

— Останавливаем? — спросил Александр.

— Рискнем, — ответил Серж с деланной бравадой.

А я просто покивала, потому что горло перехватило от предвкушения... Ха! Сладости?..

— Налево свернёшь — засаду найдёшь,

Ещё и кота невозможного,

Направо — красную, сладкую ложь...

А прямо — там правда холодная.

Алекс решительно утопил синюю кнопку. Мы осторожно выбрались из машины. Розовая дорога была шире той, голубой, но чуть поуже нашей.

И мы переступили грань — между синим и бело-малиновым миром... Вдали слабо вздыхал цветущий сад, а над нами витал его непередаваемый мятно-конфетный аромат. Белые, красные, розовые лепестки носились между деревьями, будто манили поиграть с ними в прятки.

И мы, словно замороженные, шагнули в сторону сада. Но вдруг мою ногу пронзила острая боль. Я непонимающе посмотрела вниз. Рядом с разодранной штаниной и моей кровавой царапиной сидел Пьер.

— Вот ёлки, новые джинсы! — мелькнула паническая мысль. — Ещё и единственные...

И тут я опомнилась!

Серж и Саша, словно зомби на шоу фокусников, легко и послушно шагали в сторону сада... Оказалось, мы уже прошли половину дороги, а вроде бы — только один шаг сделали... Я бросилась за ними, вопя что -то, выкрикивая их имена! Но они не слышали меня, а воздух стал плотным, и я никак не могла продаться сквозь него, чтобы догнать. И тогда перед моими мужичками выросла огромная синяя тень — будто кусок неба в красных соплях...

— Мяяурррршшш! — зашипела тень.

И парни — очнулись. Они встряхнулись и так заморгали, будто только что проснулись.

— Назад! — заорала я им, бултыхаясь в розовом воздухе. — Назад! Не смотрите на сад, поворачивайте! И не дышите, не дышите!

Сначала Серж, а потом и Саша неохотно развернулись и, будто бы по воде, с усилиями стали приближаться ко мне. И тут я заметила кривые усмешки на встревоженных лицах моих друзей.

— Не дышите... — внутренне расхохоталась и я.

Тень нашего котика скользила следом за ними, время от времени шипя и подвывая, когда кто-то пытался повернуть голову, чтобы ещё раз посмотреть на невозможно прекрасный сад. А мне уже не удавалось развернуться назад — воздух плотно сковал моё тело, и сколько бы я ни закрывала глаза, видение сада просачивалось сквозь зажмуренные веки вместе со сладком-мятно-карамельным фимиамом. Очень, ну просто невыносимо приятным. Его хотелось вдыхать и вдыхать, пока легкие не лопнут от счастья!

Наконец друзья доплыли до моей застывшей персоны, подхватили под руки и волоком потащили к машине. А я бездумно таращилась на чудесное малиновое небо с летящими по нему бело-розовыми облаками, чем-то похожими на зефир.

Наконец — казалось, лет через сто... — мы перешагнули грань и гурьбой свалились на нашу, такую облачную и протрезвляющую, синюю дорогу.

Нам всем было плохо. Так плохо! Тошнило, мутило, в глазах плыли малиново-чёрные круги, мы почти падали в обморок... Но тут Серж заметил тоненький ручеек, который медленно, незаметно, но неуклонно подползал к колесам машины. Гонимые непреодолимым ужасом, мы вмиг влетели внутрь маршрутки. Алекс уже было протянул руку к кнопке, чтобы закрыть дверь, но тут я заметила нашего кота. Он полз к нам из последних сил и уже почти переполз границу дорог... почти...

Пьер бессильно распластался там, на стыке красного и синего, жалкий, почти ненастоящий...

— Не-е-ет! — заорала, завывла я. — Нет, там Пьер остался!

И выскочила из машины. На одном духу подлетев к котику, я схватила его, но тут же свалилась, не в силах подняться. И ощутила, как медленно и неуклонно меня тянут и тянут чьи-то руки с двух сторон, не давая насладиться счастьем, что обуюло душу розовой кремовой волной. Потом моё тельце так же медленно протянулось по ступеньке, пересчитывая все её изгибы, и было брошено на пол. Но самое главное — с котом! Кота я — не выпустила!

— Ура, Пьер... — подумала я.

И провалилась в черноту. С малиновыми всполохами, конечно... Машина неслась по синей дороге. Я валялась на полу перед дверью, крепко обнимая Пьера. А ребята вповалку лежали сверху, на крышке большого бардачка. Рука Сержа всё еще висела у панели со стрелками, а Сашина рука была протянута чуть дальше, к синей кнопке.

— Успели! — тепло подумала я. — Какие же они молодцы, успели!

Задавленно мякнув, завозился на мне котик. Я с трудом разжала руки, и кот, шатаясь и встряхиваясь, отполз от меня подальше.

— Главное — живой, — улыбнулась я ему. — Это самое главное сейчас! Спасибо тебе, Пьер, это ты спас нас всех!

— Мяурррр, — промурчал мне кот.

И мы, ещё шатаясь от слабости, полезли смотреть, что там с нашими друзьями. Подхватив прислонённую к сиденью бутылку с водой, я налила воды коту, который жадно приник к чашке, напилась сама и, безрезультатно потормошив мужчин, влила воду и в них.

— Чёрт, — выдал Серж, встряхиваясь.

— Ой, что это? — закашлялся от воды Алекс.

— Всё повторяется, — слабо хохотнула я. — С добрым утром!

— Мяк, — вставил Пьер и свою монетку.

— Ну с таким же добрым, ужасно добрым! — бормотнул Алекс, заканчивая беседу о нашем возвращении к жизни.

Мы ехали и ехали. По пути встречались и другие дороги, но мы больше там не останавливались. Тем более что дороги серели бесцветьем и часто оказывались слишком узкими — машине и не сунуться. Да серых кнопок в маршрутке тоже не было... А нам и трёх остановок хватило, чтобы перестать испытывать судьбу на прочность. Оранжевая, голубая, розовая — ни одна как-то не зашла. Совсем не вписывались они в нашу новую реальность, несмотря на кнопочки на панели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.